

Романтическая ирония в философии

С. Г. БИЧЕНКО

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

Романтическая ирония в философии — философская концепция, разработанная немецкими романтиками на рубеже XVIII–XIX вв. В основе романтической иронии лежит требование обнаруживать неразрешимые внутренние противоречия, заключенные во всех вещах. Это способствует формированию особого, «непонимающего» взгляда, который направлен не на видимую действительность, а на непознаваемый идеал, ее определяющий.

До романтиков ирония редко становилась предметом философского осмысления, оставаясь в первую очередь риторическим понятием. Однако у Платона, чья философия оказала большое влияние на представителей раннего немецкого романтизма, ирония является принципом философского рассуждения. С помощью иронического самоуничтожения Сократ в платоновских диалогах порождает в душах людей чувство идеального, какой-то внутренний опыт высших реальностей, хотя что это за высшие реальности, ясно не говорится. Это «чувство идеального», которое возникает благодаря сократовской иронии, будет весьма важно для романтиков.

Связь сократовской иронии с романтической заметна и на структурном уровне. По замечанию С. Кьеркегора, Сократ, утверждая, что он не знает, все-таки знал, поскольку он знал о своем незнании, но это знание не было знанием о чем-то, т. е. не имело какого-либо позитивного содержания. Отрицательное содержание иронии Сократа и структура противоречия, которая, по Кьеркегору, лежит в ее основе, имеют непосредственное отношение к романтическому представлению об иронии.

После Платона вплоть до романтиков ирония крайне редко становилась предметом философского рассмотрения. Романтическая философия придала термину «ирония» собственное философское значение.

Теория романтической иронии наиболее глубоко была разработана Ф. Шлегелем

и К. Зольгером. При этом для Зольгера ирония была прежде всего эстетическим явлением, в то время как для Шлегеля одним из фундаментальных понятий философии. Именно взгляды Ф. Шлегеля наиболее принципиальны для рассмотрения романтической иронии как философской концепции.

Теория романтической иронии развита Ф. Шлегелем в первую очередь во фрагментах, напечатанных в журналах «Лицей» и «Атеней», в наброске «О непонятности», а также в его рецензиях «О Лессинге» и «„О Мейстере“ Гете». Все эти работы относятся к 1797–1798 гг.

Из шлегелевских фрагментов можно выявить своеобразную структуру иронического. «Идея есть понятие, доведенное до иронии в своей законченности, — пишет он. — Абсолютный синтез абсолютных антитез, постоянно воспроизводящее себя взаимодействие двух борющихся мыслей» (Шлегель, 1934 : 174). «Законченность», доведенная до иронии, означает для Шлегеля не абсолютную законченность в смысле синтеза противоположностей, а законченность в смысле постоянно возобновляющегося взаимодействия противоречивых сил.

Размышляя об иронии, Шлегель часто говорит о том или ином совмещении или разделении противоположностей, которые вызваны иронией или связаны с ней. Так, он говорит, что «ирония — это форма парадоксального» (там же: 178), что «если всякое остроумие есть принцип и орудие универсальной философии и если всякая философия есть не что иное, как <...> наука всех наук, вечно смешивающихся и снова обособляющихся друга от друга, логическая химия, то ценность и значение этого абсолютного и энтузиастического, насквозь материального остроумия бесконечны» (там же: 179) (для Шлегеля, судя по всему, нет разницы между иронией и остроумием).

Любопытно суждение Шлегеля об иронии как о «логической химии». Химическим явле-

ниям в этот период приписывался особый способ бытия, в них видели переходную ступень от неживой природы к живой. Суть химических процессов выражалась в самостоятельном разложении и соединении веществ. Когда Шлегель пишет об остроумии как о «логической химии», то он имеет в виду, что иронический дух пребывает в состоянии вечного разделения на противоположности, их постоянного обособления и соединения.

Шлегель утверждает, что «внезапная остроумная мысль состоит в разложении некоторых духовных субстанций, которые таким образом до этого неожиданного разъединения должны были находиться в самой тесной близости друг к другу» (там же: 177). В другом месте Шлегель говорит, что «ирония вызывает в нас чувство неразрешимого противоречия между безусловным и обусловленным, чувство невозможности и необходимости всей полноты высказывания» (там же: 176).

Таким образом, ироническое по Шлегелю — это то, что совмещает противоположности или разлагает на противоположности казавшееся до этого единым. Иронический взгляд обнаруживает, что мир состоит из вещей, в которых неведомым образом соединены полные противоположности («абсолютный синтез абсолютных антитез»).

При этом шлегелевскую иронию не следует понимать как своеобразную недо-диалектику (эта традиция возникает благодаря Гегелю и его критике романтизма и романтической концепции иронии в частности). Несмотря на необходимость «синтеза», романтическая ирония не подразумевает «снятия», т. е. сохранения «позитивного» из тезиса и антитезиса после их упразднения. Под действием иронии противоположности исчезают в «кричащем противоречии», не производя никакого полезного остатка. Видеть в этом «недодуманную», недоразвитую диалектику неверно, так как возможность снятия и получения позитивного остатка противоречит философским взглядам Шлегеля. В этом плане концепция романтической иронии — не веха на пути к возникновению гегелевской диалектики, а конкурирующая с ней теория.

Место романтической иронии в философии романтизма обусловлено ее отношением к центральному понятию этой философии — идеалу. Романтики полагали, что действительность конституируется идеальным, «божественным». Она возникает благодаря идеалу и является его символом, т. е. сама обозначает идеал.

При этом идеал оказывается непознаваемым при помощи разума; его можно только почувствовать, предчувствовать, замечать его проявления в окружающем мире: в природе, любви, искусстве. Осмыслить его невозможно, потому что он недостижим ни для нашего бытия, ни тем более для нашего понимания. Поэтому не только не ставится задача понять, осмыслить идеал — наоборот, возникает необходимость утверждать его непонимаемость и всегда помнить о ней.

Шлегель неоднократно указывает на то, что сущность идеала невыразима, а описать ее словами невозможно. Отношение Шлегеля к проблеме постижимости идеала можно во многом выразить следующей цитатой: «Все высшие истины любого рода совершенно тривиальны, поэтому нет ничего необходимого, как постоянно давать им новое и как можно более парадоксальное выражение, дабы не забывать, что они все еще налицо и что их, собственно, никогда до конца не высказывают» (Берковский, 1973 : 31).

Идеал романтиков — вечно движущийся, бесконечный, совершенно неподвластный рассудку, более того — избегающий его.

В статье «О непонимании» (1800) Шлегель напрямую связывает термин «непонимание» с иронией: «В значительной степени непонимание заключено в иронии, которая в большей или в меньшей степени повсюду в нем себя проявляет» (Schlegel, 1984). Иронию нельзя понять в плоскости смысла, потому что вся она состоит из парадоксов, противоречий и апорий. Ее можно понять только как бытование дискурса, проявляющего себя через непонимание. Для Шлегеля в непонимании есть чистое самопроявление гения, поэта. Поэтическое поведение полностью располагается в области смысловой пустоты. Таким образом, можно противопоставить «полноту» смысла

«пустоте», которая возникает в ироническом дискурсе.

Итак, ирония у Шлегеля становится инструментом не познания, а непонимания. Ее задача — не дать какое-то позитивное знание, а разрушить кажимость знания; ведь все знание, получаемое разумом, не имеет ценности, так как не имеет отношения к идеальному. Соединяемые иронией противоположности не дают нового знания; наоборот, в ходе этого столкновения знание уничтожается. При этом Шлегель требует от остроумия и воображения способности породить «сверкающие искры, горящие лучи или же потрясающие удары» как следствие своей работы; искры, лучи и удары вместо позитивного знания. Здесь проявляется глубокое сходство романтической и античной иронии — обе видят свою задачу в том, чтобы «выразить или породить эту или иную большую, высокую идею» (по А. Ф. Лосеву).

При этом ирония становится краеугольным камнем романтической философии. Ирония выступает для Шлегеля своеобразным методом «несистематического философствования». Лишь фрагментарное философствование, иронически относящееся к действительности, скрывает в себе возможность снятия ее коллизий. Можно говорить о том, что для Шлегеля ирония была методом романтической философии.

Романтическая ирония требует создания «непонимающей» философии. В общем проекте романтической философии ирония выступает как инстанция абсолютной критики, которая призвана уничтожать знание, не имеющее отношения к идеалу, т. е. полученное дискурсивно, через рассуждение от известного к неизвестному. Взамен этому знанию романтики предлагают знание интуитивное, предчувствующее, схватывающее. Это знание достигается через особую форму философствования — на грани философии и литературы. Тексты этой философии — «Генрих фон Офтердинген» Новалиса, «Люцинда» Шлегеля и другие — не предполагают последовательного рассуждения и строгой философской системы; вместо этого философствование в них выступает как боговдохновенное откровение

и выражается в форме манифестов, максимум афоризмов.

Вне йенского кружка отношение к теориям иронии романтиков было весьма прохладным.

Главным критиком романтической иронии стал Гегель, который, по выражению С. Кьеркегора, «всегда говорит об иронии как о чудевище». Гегель обнаруживает в ней апологию абсолютной, бессмысленной свободы. В романтическом учении об иронии Гегель видит прежде всего учение о субъективности, понятой в ее самой последней и крайней форме, т. е. как совершенно лишенной субстанции (какого-либо объективного содержания).

Критика Гегеля обусловила дальнейшее восприятие концепции романтической иронии. Идеи Шлегеля о позитивности непонимания долгое время оставались невостребованными, считаясь частью ультраромантической теории иронии. И только в самое последнее время сходные идеи привлекли к себе внимание гуманитарной теории.

Актуальность вопросов, которые ставит романтическая теория иронии, и своеобразие методологии, которой она требует, остаются высокими. Ж.-Л. Нанси и Ф. Лаку-Лабарт в своей книге «Литературный абсолют» («L'Absolu littéraire», 1978) замечают, что мы живем в эпоху «современности», открытую романтизмом. Романтическое «бессознательное» до сих пор различимо в мотивах, центральных для современности.

Вопрос об актуальности романтической философии в наши дни, о влиянии, которое оказала концепция романтической иронии на постромантическую мысль, остается открытым. И именно потому, что романтическая ирония в философии почти всегда оказывалась предметом критики (о ней либо говорили плохо, либо не говорили вовсе), возникает проблема ее скрытого влияния. Что именно в романтической иронии вызывает такое отторжение и у современников этой теории, и у многих более поздних философов? Радикальность критики, которой требует романтическая ирония, то, как она противопоставляет режиму производства смыслов практику тотального их уничтожения, делает ее опасной теорией. Перспективы, возникающие из тако-

го радикально иного подхода к философии, так никогда и не были реализованы (и, возможно, даже не были поняты) в полной мере.

Лит.: Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л. : Худ. лит., 1973; Габитова Р. М. Философия немецкого романтизма (Фр. Шлегель, Новалис). М. : Наука, 1978; Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб. : Аксиома, 1996; Кьеркегор С. О понятии иронии / пер. А. Коськовой, С. Коськова // Логос. 1993. № 4. С. 176–198; Шлегель Ф. Фрагменты / пер. Т. Сильмана, И. Колубовского // Литературная теория немецкого романтизма / под ред. Н. Я. Берковского. Л., 1934. С. 169–185; Лосев А. Ф. История античной эстетики. М. : Искусство, 1992. Т. 8. Кн. 1; Ямпольский М. Б. Филологизация (проект радикальной филологии) // Новое литературное обозрение. 2005. № 5 (75). С. 10–23; Lacoue-Labarthe Ph., Nancy, J.-L. L'Absolu littéraire: Théorie de la littérature du romantisme allemande. R. : Éditions du Seuil, 1973; Schlegel F. Über die Unverständlichkeit // Athenäum. Eine Zeitschrift von August Wilhelm Schlegel und Friedrich Schlegel / Hg. von Gerda Heinrich. Leipzig : Reclam, 1984. S. 370–381.

ROMANTIC IRONY IN PHILOSOPHY

S. G. Bichenko

(Moscow University for the Humanities)

Bibliography (transliteration): Berkovskii N. Ia. Romantizm v Germanii. L. : Khud. lit., 1973; Gabitova R. M. Filosofiiia nemetskogo romantizma (Fr. Shlegel', Novalis). M. : Nauka, 1978; Zhirmunskii V. M. Nemetskii romantizm i sovremennaia mistika. SPb. : Aksioma, 1996; K'erkigor S. O poniatii ironii / per. A. Kos'kovoii, S. Kos'kova // Logos. 1993. № 4. S. 176–198; Shlegel' F. Fragmenty / per. T. Sil'mana, I. Kolubovskogo // Literaturnaia teo-riia nemetskogo romantizma / Pod red. N. Ia. Berkovskogo. L., 1934. S. 169–185; Losev A. F. Istoriia antichnoi estetiki. M. : Iskustvo, 1992. T. 8. Kn. 1; Iampol'skii M. B. Filologizatsiia (proekt radikal'noi filologii) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2005. № 5 (75). S. 10–23; Lacoue-Labarthe Ph., Nancy, J.-L. L'Absolu littéraire: Théorie de la littérature du romantisme allemande. R. : Éditions du Seuil, 1973; Schlegel F. Über die Unverständlichkeit // Athenäum. Eine Zeitschrift von August Wilhelm Schlegel und Friedrich Schlegel / Hg. von Gerda Heinrich. Leipzig : Reclam, 1984. S. 370–381.